

ПРОЗВИЩА ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. Г. АЛЕКСИНА

Ключевые слова: русская литературная ономастика, имя собственное в художественном тексте, прозвище, функции имени собственного в тексте.

Данная статья посвящена описанию и анализу прозвищ в повестях и рассказах А. Г. Алексина. Под прозвищами понимаются наименования не только лиц, но и неодушевленных предметов, и групп людей. С точки зрения особенностей употребления прозвища делятся на вокативные (употребляемые как обращения), невокативные (употребляемые только в разговорах о третьем лице) и мысленные (существующие лишь в сознании номинатора). Среди прозвищ преобладают характерологические; весьма скромное место занимают прозвища отыменные, отфамильные и генесионимические. Характерологические прозвища отражают самые разные признаки и сочетания признаков номинатов. Прозвища раскрывают не только особенности номинаторов и номинатов, но и авторское отношение к персонажам. Рассмотрены также явления, сходные с прозвищами: неэтикетное употребление имен, универсальные слова-обращения, экспрессивные наименования.

Творчество А. Г. Алексина изучается преимущественно с литературоведческих позиций, между тем регулярно встречающиеся в его произведениях прозвища представляют собой интересный языковой материал, еще не подвергавшийся систематическому исследованию. Задачи нашей статьи — описать состав прозвищ, классифицировать их, определить их роль в создании образов персонажей и раскрытии идеи произведения.

В зависимости от особенностей употребления прозвища у Алексина могут быть разделены на три группы:

1. Прозвища, выполняющие апеллятивную функцию, т. е. используемые как обращения. Целый ряд подобных примеров представлен в повести «Очень страшная история»: *Детектив*, *Принц Датский*, *Покойник*. Такие прозвища используются либо одним человеком (например, только мать героя повести «Позавчера и послезавтра» называет его отца *Тайный советник*), либо группой людей (семьей, друзьями, одноклассниками, сослуживцами, соседями и т. п.); в последнем случае прозвища выражают коллективную оценку номината. Кроме того, такие прозвища известны их носителям и могут так или иначе оцениваться ими: нравиться, не нравиться, вызывать чувство гордости, раздражать, возмущать и т. д.

2. Прозвища, употребляемые неким кругом людей для обозначения того или иного лица в общении между собой, но не для обращения к нему. Как правило, носителем такого прозвища является человек, который старше номинаторов по возрасту и выше по положению в коллективе или обществе. Например, в повести «Позавчера и послезавтра» ребята, поющие в хоре, называют директора Дома культуры *Дирдомом*, а в рассказе «Неправда» женщина-библиотекарь носит прозвище *Смотри не разорви* (оно явно употребляется не одним человеком, но наверняка не используется как обращение). Прозвища этого типа также могут быть известны номинатам (в качестве примера можно привести прозвище *безумная Евдокия*, о котором знает классный руководитель героини повести «Безумная Евдокия», или прозвище тети героя повести «Дневник жениха» *Буксир «Тетя Зина»*).

3. Прозвища, данные кем-либо лишь мысленно. Это самая малочисленная группа. Носитель такого прозвища обычно не близкий номинатору человек: либо занимающий более высокое общественное положение, либо просто незнакомый или малознакомый. Например, инженер-геолог, герой рассказа «Ты меня слышишь?..», мысленно называет медсестру, добрые глаза которой помогли ему перенести боль во время операции, *Богиней* (он никогда не разговаривал с ней и даже не знает ее имени, для него это единственное возможное ее наименование), а хирург Новгородов из повести «Здоровые и больные» опять же мысленно прозвал главврача Липнина *оголтелым семьянином*: Липнин заботится лишь о том, чтобы у него дома все было «в полном порядке». Такие прозвища являются достоянием лишь тех, кто их придумывает; они помогают обозначить для себя незнакомого человека или охарактеризовать кого-либо, т. е. можно говорить об их познавательной функции. Они не характеризуются таким признаком, как употребление в коллективе: представлены лишь номинат и единичный номинатор.

Приведенная в тексте информация об употреблении прозвищ не всегда дает возможность точно определить, к какой группе они принадлежат. Например, в повести «Поздний ребенок» о сестре героя Людмиле сказано: «Она архитектор. “Мастер четких линий” — называет ее отец» [Алексин, 1989, 2, 172]. Основыва-

ясь на этих сведениях, невозможно сделать вывод о том, в лицо или за глаза отец называл так Людмилу; вместе с тем вокативная функция прозвища не исключается, так как номинат не старше номинатора и не выше его по положению.

Говорить о том или ином наименовании как о прозвище возможно лишь в том случае, если оно применяется для обозначения некоего субъекта или объекта регулярно. По этому признаку разграничиваются прозвища и ситуативные наименования. Например, в повести «Дым без огня» Юлия Александровна говорит про Кулькова и его дочь Соню: «Они пара. Не в том смысле, что два сапога, а в том, что два жирафа» [Алексин, 1989, 1, 275]. Далее в тексте это наименование не повторяется и ничто не указывает на его повторяемость, а значит, нет оснований относить наименование *два жирафа* к прозвищам.

По частотности употребления в тексте прозвища могут быть разделены на следующие группы:

а) регулярно используемые для обозначения данного персонажа (*Принц, Покойник, Липучка*);

б) упоминаемые несколько раз в определенных случаях (например, Рудик Горлов из повести «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле» по тексту называется *Рудиком*, а его прозвище *Беретик* упоминается дважды: когда Оля говорит о его приближении и собирается уходить и когда Коля сообщает ему это прозвище и комментирует: «Неточное прозвище... Змееныш ты... вот!» [Там же, 2, 457]);

в) приведенные в тексте один раз при характеристике персонажа (например, в повести «Здоровые и больные» об ординаторах Маше и Паше сказано: «“Современные люди!” — говорили о них...» [Там же, 2, 141]). На регулярность употребления наименования в таких случаях указывают глаголы, указывающие на повторяемость речевого действия, а также образованные от этих глаголов причастия: *говорить, называть, называться, прозвать; прозванный, называвшийся* и т. п. Ср. также в повести «Позавчера и послезавтра»: «По профессии мама бухгалтер. И не простой бухгалтер, а главный. Слово “бухгалтер” маме не нравится, и она называет себя “финансист”... Очень давно, еще до моего появления на свет, кто-то сказал о маме: “Финансы поют романсы”. Мы переезжали с места на место, и это длинное прозвище загадочным образом следовало за нами. Словно кто-то сообщал о нем по радио или по телефону» [Там же, 1, 436].

Употребительность прозвищ, хотя и весьма нерегулярно, отражается в их графическом оформлении: как правило, прозвища первой из этих групп пишутся с заглавной буквы без кавычек, а третьей — со строчной (реже с прописной) буквы в кавычках или без них; оформление прозвищ второй группы неоднородно.

Мотивация прозвищ, представленных в произведениях А. Г. Алексина, различна.

З. П. Никулина, изучая индивидуальные прозвища учеников 4–8 классов, выделяет среди них оценочно-характеристические (*Атаман* — везде хочет быть первым, *Червяк* — имеет длинную шею), генесионимические (*Маруся* — прозвище

мальчика по имени матери, *Верблюжонок* — прозвище мальчика по прозвищу брата) и отфамильные (*Афанася* — от *Афанаскина*, *Винтовка* — от *Стрелков*) [Никулина, 88]. Эту классификацию можно дополнить такой группой прозвищ, как ассоциативные, образующиеся от личных имен на основе аттракции к созвучным апеллиативам: *Петр* — *Петух*, *Юрий* — *Юрист*, *Сергей* — *Серый*, *Анатолий* — *Толкай*, *Анна (Нюра)* — *Нюня* и т. д. [Юрасова, 210]. Н. Н. Ушаков рассматривает подобные образования как предел варьирования личных имен (*Софья* — *Соня* — *Сонуля*, *Екатерина* — *Катя* — *Катушка* и пр.) [Ушаков, 165], приводя также случай омонимии между уменьшительным именем и нарицательным существительным из повести А. Г. Алексина «Саша и Шура»: Ангелина Семеновна, ехавшая в одном поезде с Шурой, называла своего сына *Веником* (по-видимому, его полное имя *Вениамин*; ср.: *Александр* — *Алик*, *Борис* — *Борик* и т. п.). Мать не замечает комического эффекта, создаваемого этим уменьшительным именем, зато он очевиден для Шуры («Бывают же на свете имена: “Веник”!.. Еще бы метелкой назвали!» [Там же, 2, 312]), а позже и для Саши («Приготовьтесь — сейчас комнату подметать буду... Веник со мной» [Там же, 2, 341]).

Отфамильные прозвища в прозе А. Г. Алексина встречаются редко. В чистом виде это прозвище *Ворона* для Оли Воронец из повести «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле»; к этой же группе можно отнести прозвище *Детектив*, данное Алику Деткину из повести «Очень страшная история» (на основании оставшихся на его мешке для обуви букв фамилии — «Дет...»), а также прозвище *Новгородское вече*, данное хирургу Новгородову за его стремление делать все так, как он считает нужным, но они не являются чисто отфамильными, поскольку одновременно отражают особенности характера и пристрастий героев.

Немногочисленны и ассоциативные имена. Например, Эльвира, героиня рассказа «Записки Эльвиры», в детстве называла друга семьи Бориса Борисовича *Барбарисом Барбарисычем*, а впоследствии продолжала называть его так мысленно за приторность: «Он был такой сладкий, что я в его присутствии всегда пила чай без сахара» [Алексин, 1980, 2, 266]; таким образом, прозвище отражает особенности внешности и поведения.

Интересно прозвище терапевта Виктора Валерьяновича Зеленцова из повести «Здоровые и больные» *Валерьянка*, образованное от его отчества. Впрочем, в тексте подчеркивается, что это не единственное основание для такого прозвища: «Он выбрал терапию, как наиболее спокойный род войск в медицине, но в то же время — и основной! Всю жизнь он тяготел именно к такому сочетанию. Даже имя и отчество свидетельствовали об этом: с одной стороны — Виктор (вроде бы победитель!), а с другой — Валерьянович» [Алексин, 1989, 2, 160].

Здесь же следует упомянуть об употреблении иноязычных имен. Героиня повести «Безумная Евдокия» называет свою подругу Люсю Катунину *Люси* «как в доме Ростовых... Или Болконских» [Там же, 1, 16]. В этом проявляется стремление Оли к оригинальности, к самовыражению любым способом, тем более

что имя *Люси* легко укладывается в рифмованные строчки: «О ком я говорю, спроси? И я отвечу: о Люси!» [Алексин, 1989, 1, 16]; «Ну и мерси, дорогая Люси!» [Там же, 1, 17]. Н. Н. Ушаков относит подобное употребление личных имен из ономастикона других языков к прозвищам [Ушаков, 165].

Что же касается прозвищ генесионимических, то, пожалуй, единственный пример представлен в повести «Сигнальщики и Горнисты»: герой сначала получает прозвище своего дяди *Горнист*, а уже потом оно заменяется на *Сигнальщик*. Впрочем, и здесь нельзя говорить о генесионимическом прозвище в чистом виде: основанием для переноса прозвища с дяди на племянника является не только родство, но и сходство их жизненных позиций. Относить к этой группе упомянутое выше прозвище *Валерьянка* нет оснований, так как оно не принадлежало отцу Зеленцова, а было дано ему самому. Вряд ли стоит считать генесионимическим также прозвище Севы Котлова *Котелок*: хотя он, слыша, как о нем говорят: «Ишь как младший Котелок в школу катится! По урокам соскучился!..» [Алексин, 1980, 3, 435], думает: «Это, наверно, сказал кто-нибудь из старшеклассников — из тех, кто знал и “старшего Котелка”, то есть нашего Диму» [Там же], ничто не указывает на то, что Диму тоже звали или зовут Котелком; нося одну фамилию с братом, Сева вполне мог получить это прозвище независимо от Димы.

Основную массу составляют прозвища оценочно-характеристические. В основу их могут быть положены самые разные признаки номината. В зависимости от их количества выделяются прозвища однопризнаковые и многопризнаковые [Данилина, 292]. В произведениях Алексина представлены прозвища, отражающие следующие признаки номинатов:

1) физические данные: Тимоша, персонаж повести «Здоровые и больные», прозван *баскетболистом* за высокий рост, хотя в баскетбол не играет;

2) особенности одежды: персонаж рассказа «Бабочка» Владимир Старков был прозван *бабочкой* за старомодный галстук-бабочку, рассматриваемый Гуськовым, а вслед за ним и Валерием как символ старомодности в худшем смысле слова, легкомыслия и стремления выделиться;

3) особенности голоса: Неля, сводная сестра Коли Незлобина, — *Пискаля*;

4) черты характера: Таня Ткачук из повести «Сигнальщики и Горнисты» за доброту и отчаянность получила прозвище *декабристка*;

5) семейное положение: у персонажа повести «В тылу как в тылу» Олега есть две младшие сестры, о которых он постоянно заботится, и его прозвали *многодетным братом*;

6) место жительства: тетя героя повести «Дневник жениха» называет его невесту Любу *провинциалкой*, поскольку та приехала из-под Костромы;

7) особенности поведения, образа жизни: Петю из сказочной повести «В Стране Вечных Каникул» соседи называют *ненормальным жильцом* за то, что он часами говорит по телефону, водит домой друзей и т. п.;

8) характерная для персонажа деятельность: друг героя повести «Звоните и приезжайте!..» Васька *Паганини* играет на скрипке и учится в школе для одаренных детей;

9) тот или иной поступок персонажа (Н. В. Ардеева называет этот признак «чрезвычайное происшествие, случившееся с прозываемым» [Ардеева, 81]): Коля Незлобин не сочинил обещанных стихов к родительскому дню и получил прозвище *Свистун* (этот случай интересен тем, что имеется и еще одно основание для данного прозвища: Коля любит переговариваться с птицами; однако в тексте повести отмечено: «Но не за это его прозвали Свистуном» [Алексин, 1989, 2, 443]);

10) поведение по отношению к отдельно взятому человеку, роль в его жизни: Славу Аникина из пьесы «Десятиклассники» Катя часто называет своим *персональным регулировщиком*, потому что он говорит ей: «Катюша, притормози!»;

11) какой-либо предмет, принадлежащий номинату и занимающий определенное место в его жизни: Володька *Мандолина* часто и подолгу играет на мандолине;

12) часто повторяемое слово или фраза: друг героя повести «Звоните и приезжайте!..» носит прозвище *Могилы* за постоянные уверения в своей способности хранить чужие тайны и за требования хранить свои.

Возможны также различные сочетания признаков:

а) особенность внешности + черта характера: Аня Черемисина из повести «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле» прозвана *Белкой* «за свои рыжие волосы и непоседливость» [Там же, 449];

б) особенности поведения + вид деятельности: Роберт-*организатор* из повести «Мой брат играет на кларнете» очень активен, склонен к организации разных мероприятий, и это отражается на его поведении: он говорит быстро и, пропуская глаголы, хватает нужных ему людей «за что попало: за руку, за плечо, даже за шею» [Там же, 45];

в) характерный предмет + особенности поведения: Мишке из повести «В Стране Вечных Каникул» отец подарил «огромные старые часы, которые тяжело было носить на руке» [Там же, 370], и Мишка сначала говорил герою, сколько времени, а потом стал чихать через каждые пятнадцать минут, за что его прозвали *Мишкой-будильником*;

г) событие + черта характера: Саня из повести «Домашний совет» в детском саду играл в спектакле *доброе молодца*, и это название закрепилось за ним, потому что все считают его молодцом.

Иногда в тексте произведения не объясняется, почему дано прозвище. Например, в повести «Поздний ребенок» сосед и тезка героя дядя Ленья, зубной врач, носит прозвище *Дядя Ленья — ноль-один*. Оно прокомментировано лишь следующим образом: «Вообще-то по телефону “ноль-один” вызывают не “Скорую помощь”, а пожарную команду. Но дяде Лене дали именно такое прозвище...» [Там же, 173–174]. Автор предоставляет читателю самому догадаться,

почему этого персонажа прозвали именно так. На самом же деле здесь, скорее всего, обыгрывается значение выражения *спешить как на пожар*: когда заболевает отец, дядя Леня сразу приходит на помощь соседям; он сам выражает готовность поменяться квартирами с женихом Людмилы Ивановой, несмотря на то, что квартира Ивана не очень удобна.

Кроме того, причины присвоения прозвища могут быть названы не все. Например, у героя повести «А тем временем где-то...» есть друг Антон, о котором сказано: «Ребята звали его Антоном-Батоном за то, что он был полным, сдобным, розовощекиным» [Алексин, 1989, 2, 71]. Очевидно, что есть и другая причина, обусловившая получение Антоном именно такого прозвища: это рифма между его именем и словом *батон*.

Если рассматривать прозвища с точки зрения происхождения, то можно отметить преобладание среди них отапеллятивных (*Могила, Свистун, баскетболист* и др.); очень мало результатов перехода в прозвища собственных имен (*Паганини, Новгородское вече*). Это может объясняться тем, что подобное прозвище предполагает либо очень известное имя, либо номинатора с высоким уровнем образования и широким кругозором, в то время как большинство повестей и рассказов написано о подростках и для подростков.

Промежуточное, а точнее — комбинированное явление представлено прозвищем *дед Антон* в повести «Саша и Шура»: дедушку Шуры зовут Петром Алексеевичем, а *дедом Антоном* его прозвали после того, как он успешно сыграл в спектакле роль Антона Павловича Чехова (слово же *дед* употреблено здесь скорее в значении ‘старик’, поскольку никто из прозвавших не являлся внуком Петра Алексеевича). Н. Н. Ушаков подчеркивает, что это событие — не единственный мотив: «Мотивирующие прозвище признаки — случай, внешнее сходство, общее в характере (доброта, лукавство) — могли сосуществовать лишь некоторое время, затем общность внутреннего и внешнего плана стала главной, отгеснив первичную — ситуативную — мотивацию» [Ушаков, 154]. К этому можно добавить, что Петр Алексеевич, как и А. П. Чехов, деревенский врач, и все обращаются к нему за помощью, уважают его, доверяют ему (кстати, его второе прозвище — *профессор*).

Некоторые прозвища представляют собой сочетания собственных имен самих персонажей с нарицательными существительными (бабушка героини повести «Раздел имущества» Анисия Ивановна, выходящая ее, — *мама Ася*, медсестра Алевтина Петровна — *сестра Алевтина*, Валера — *Валерик-гипнотизер*, Федя — *Федька След*) или прилагательными (Евдокия Савельевна — *безумная Евдокия*). Н. Н. Ушаков, полагая, что «для прозвищного имени... вообще невозможна какая-либо сочетаемость с другими антропонимами» [Ушаков, 171], считает подобные образования не сочетаниями имен и прозвищ, а составными прозвищами, выполняющими как дифференцирующую, так и характеризующую функцию.

Представленные в прозе Алексина прозвища различны по грамматической структуре. Выделим следующие группы, опираясь на классификации Е. Ф. Данилиной [Данилина, 286–288] и Л. В. Шулуновой [Шулунова, 55], различающиеся лишь терминологией:

1) однословные единицы: *Валерьянка, Мандолина, Батон* и т. д. (другое название таких прозвищ, представленное у Л. В. Шулуновой, — однокомпонентные); практически всегда это имена существительные;

2) словосочетания: *многодетный брат, поющая актриса* и т. п.; чаще всего это словосочетания атрибутивные с согласованными определениями, реже с несогласованными: *человек без слабостей* и пр.; такие прозвища Л. В. Шулунова называет двухкомпонентными, но компонентов в словосочетании может быть и больше: *для дома, для семьи* и т. д.;

3) предложения: *Смотри не разорви; Финансы поют романсы; Давайте поприветствуем!* (это самая малочисленная группа); особый случай — прозвище в форме придаточной части сложного предложения *Как сказал один из великих...*, которое носит Люба из повести «Дневник жениха».

Мало распространено морфологическое варьирование прозвищ (*Принц Датский — Принц; Внук Бородаева — Внук*). По приведенным примерам видно, что этим процессом затронуты не прозвища-предложения, как следовало бы ожидать, а прозвища-словосочетания.

Немногими случаями представлено варьирование лексическое, т. е. применение к одному лицу ряда прозвищ, отражающих один и тот же признак номината. Например, Александр Степанович Малинин, дедушка героини повести «Дым без огня», внешне напоминает льва и носит прозвища *львиная голова, львиное сердце, красавец, атлант*, а саму героиню Катю за умение разрешать конфликтные ситуации называют то *вожаком*, то *предводительницей*; девушка Ирина, персонаж повести «Домашний совет», дает брату героя Владиду прозвища *ограничитель скорости и шлагбаум*, подчеркивая, что Саня всегда боится превзойти брата в чем бы то ни было; ее неодобрение выражается и третьим прозвищем — *родственничек*: Владик ведет себя отнюдь не по-братски.

Как уже упоминалось, прозвища (как и имена, отчества и фамилии) персонажей художественного произведения всегда несут определенную смысловую нагрузку.

Прежде всего, прозвище отражает те или иные особенности данного персонажа: помогает актуализировать самое важное в его внешности, поведении, характере, показать его положение в коллективе, отношение к нему окружающих.

Кроме того, как отмечает Н. В. Ардеева, «название всегда двусторонне: оно характеризует не только называемого, но и называющего. Правда, характеристики называющего по прозвищам более абстрактны, нежели черты называемого, они “говорят” лишь об интеллектуальном уровне словотворца, о его принадлежности к той или иной эпохе, нередко — об отношении к определенной соци-

альной среде, о чертах его характера, о добром или злом восприятии вещей» [Ардеева, 86].

Очень яркий пример тому — прозвища погибших в войну учеников Екатерины Ильиничны из повести «Сигнальщики и Горнисты». Она вспоминает про Сережу Нефедова: «Бывало, после уроков по шесть портфелей тащил: освобождал девчонок от физических напряжений. Он им и каблуки приколачивал, если отрывались во время танцев. И только один человек в классе называл его за это “бабьим угодником”. Только один...» [Алексин, 1989, 2, 267]. Этот единственный человек — Гнедков, который также один во всем классе называл прямодушного и правдивого Володю Бугрова *телеграфным столбом*, а Сашу Лепешкина, мывшего полы в школе вместо матери-уборщицы, — *поломойкой*. Это подчеркивает, что Гнедков уже тогда был человеком совершенно иного взгляда на жизнь, иных нравственных установок, нежели сама Екатерина Ильинична и любимые ею ученики, и не был способен оценить редкие достоинства своих товарищей. Кстати, того же Сашу Лепешкина Таня Ткачук называет *добрейшим из добрых* за то, что он заботится о первоклассниках. Эти два его прозвища дают представление не только о нем самом, но и о различном отношении к нему разных людей.

Давая прозвища своим друзьям, родственникам, сослуживцам, а порой и незнакомым людям, персонажи произведений Алексина могут преследовать различные цели. Отсюда дополнительные функции прозвищ:

1) п о з н а в а т е л ь н ы е:

а) желание как-либо обозначить для себя незнакомого человека, с которым пришлось иметь дело (инженер называет медсестру *Богиней*);

б) фиксация первого впечатления (Саша, Шура и Липучка мысленно называют невестку Андрея Никитича *женщиной с растрепанными волосами*, даже когда ее волосы «аккуратнейшим образом скручены в косу» [Там же, 2, 366]);

в) подсознательное стремление дать характеристику (в повести «Очень страшная история» Алик мысленно прозвал Григория *Племянником*, потому что тот является племянником хозяйки дачи и еще потому, что к нему не подходит «это милое семейное слово» [Там же, 1, 114], т. е. характеристика дается по контрасту).

2) в ы р а ж е н и е р а з л и ч н ы х ч у в с т в:

а) пренебрежения (в повести «Дневник жениха» ребята из Митино двора называют его тетю, которая воспитывает его и буквально во всем руководит им, *Буксир «Тетя Зина»*, а его самого — *баржа*, и эти прозвища не раз обыгрываются в повествовании от рассказчика: «Все — и течение, и буксир, и баржа — приобрело лишь обидный, иносказательный смысл. Мои поступки, незначительные и редкие, не принадлежали мне» [Там же, 1, 252]; «Справедливость?.. А в том, что я обрубил трос и баржей больше не буду!» [Там же, 1, 268]);

б) негативного отношения, неодобрения (в рассказе «Письма и телеграммы» Алексей и его сотрудники дают заместителю начальника строительства

по быту и транспорту прозвища *Владик* — сокращенное от «Владыка домов и квартир» и *Наши ОТК* — по первым буквам его любимого слова «отказать!»; отец Эльвиры называет спекулянтку Римму Васильевну *землечерпалкой* за «огромный рот, полный блестящих металлических зубов» [Алексин, 1980, 2, 239–240];

в) добродушной иронии (мать Коли Незлобина, когда его отец во время отпуска планирует каждый день отдыха, смеется: «Эх ты, *проектировщик! Теоретик* мой неисправимый!» [Алексин, 1989, 2, 446]);

г) восхищения, одобрения (Нина Филипповна, учительница Александра Гончарова из повести «Запомни его лицо...», после того как он удержал сломавшуюся оконную раму, называет его *Невольником* — усеченное от *Невольник чести*);

д) благодарности (в повести «Действующие лица и исполнители» режиссер детского театра Петр Васильевич называет актрису Зину Балабанову *доброй соседкой* и *скорой помощью* за то, что она всячески заботится о нем).

3) стремление скрыть свои чувства (отец Ленки из повести «Поздний ребенок» часто называет любимого сына *мерзавцем*);

4) психологическое воздействие:

а) желание использовать прозвища как средство воспитания (учительница Екатерина Ильинична из повести «Сигнальщики и Горнисты» рассказывает: «Иногда я хитрила... Придумую ученику прозвище, которому надо, так сказать, соответствовать, — и наблюдаю, как он, бедный, хочет до него дотянуться» [Там же, 2, 265]);

б) желание использовать прозвище как рычаг воздействия (жених героини рассказа «Два почерка», молодой учительницы Жени, называет ее *навек даным ему помощником*, что ей не нравится, а после разговора с ним Женя убеждается в том, что ее жених воспринимает ее лишь как своего помощника, как средство, не думает о том, что она должна жить своей жизнью и делать свое дело);

в) попытка проявить остроумие и самоутвердиться (соседи Севы Котлова называют его *Севооборотом* и *Севообормотом*).

Однако здесь речь идет о прозвищах литературных персонажей, а не реальных людей. Говоря об этом, уместно привести следующее замечание Е. Ф. Данилиной: «Прозвища — оценочные антропонимы (топонимы или зоонимы), служащие не столько для именованья, сколько для характеристики объекта. Поэтому главной... функцией прозвищ следует считать характеристическую (или сигнально-характеристическую). В этом прозвища сближаются с вымышленными именами персонажей художественной литературы» [Восточнославянская ономастика, 295]. О подобном сближении говорит и Н. Н. Ушаков, объясняя его «сосуществованием нескольких мотиваций» [Имя собственное и нарицательное, 156]. Учитывая все это, можно заключить, что прозвища персонажей художественного произведения дважды выполняют характеристическую функцию, потому что позволяют судить об отношении к персонажу не только других персонажей, но и автора.

Многие повести и рассказы А. Г. Алексина имеют неожиданные финалы, что отражается и на мотивации прозвищ: зачастую по ходу развития сюжета прозвища приобретают более глубокий смысл, чем тот, который вкладывался в них номинаторами.

В повести «Очень страшная история» главному герою Алику Деткину дают прозвище *Детектив*, увидев на его мешке для обуви буквы «Дет...», оставшиеся от вышитой матерью фамилии «Деткин». Однако в нелегкой ситуации, в которую попадают шестеро ребят (их запирает в подвале на даче писателя Бородаева уголовник Григорий), Алик оправдывает свое прозвище: ему удается найти выход из подвала и выяснить, как все было подстроено и кто виноват в случившемся. Кстати, Глеб Бородаев-младший носит прозвище *Внук Бородаева* (с морфологическим вариантом *Внук*), которое упомянуто в повести всего однажды, но также имеет глубокое значение: он идет на подлость, фактически на преступление, для того чтобы вернуть себе славу, утраченную из-за появления новой учительницы. Если раньше он был скромным и добрым мальчиком, то постепенно статус внука писателя стал для него важнее всего на свете, хотя его собственной заслуги в этом и нет.

Смысловые оттенки прозвищ могут варьировать по ходу развития сюжета. Повесть «Безумная Евдокия» названа по прозвищу, которое героиня дала своему классному руководителю Евдокии Савельевне, вкладывая в него определенный смысл: Оля считает, что *безумная Евдокия* не понимает ее исключительности, недостаточно ценит ее, стремится насильно уравнивать ее со всеми, постоянно унижает. На самом деле Евдокия Савельевна пытается бороться с эгоизмом Оли, ее чрезмерным самомнением и равнодушием к общему делу и чужим трудностям. Борьба между Евдокией Савельевной и родителями Оли, слишком любящими свою дочь и необъективными в оценке ее поступков, кончилась страшной психической болезнью Олиной матери. Евдокия Савельевна признает: «И выходит, что “безумной Евдокией” Оля прозвала меня не зря» [Алексин, 1989, 1, 29], — но при этом она вкладывает в свое прозвище несколько иной смысл, нежели когда-то Оля: Евдокия Савельевна сожалеет о том, что, обеспокоенная исчезновением Оли из лагеря, приехала к ее родителям и напугала их. Отец Оли отвечает: «Судьба отомстила нам за это глупое прозвище... Безумие пришло в наш дом» [Там же, 1, 29]. На самом же деле родители Оли наказаны не в буквальном смысле за прозвище Евдокии Савельевны, а за то, что, считая вслед за Олей действия ее классного руководителя неразумными, потакали дочери во всем, не задумываясь о том, вполне ли права в этой ситуации Оля, насколько она человечна, способна ли думать не только о себе, но и о других.

Часто прозвища в прозе Алексина служат для создания комического эффекта.

Персонажа повести «Очень страшная история», мальчика Андрея Круглова, все называют *Принцем Датским*, потому что он сочиняет стихи к разным датам. Это прозвище построено на обыгрывании омонимии морфов: *дат-ский* от *Дания*

(с чередованием согласных) и предполагаемое **дат-ский* от *дата*. Тем комичнее звучит в его устах фраза «Да-а, ехать или не ехать — вот в чем вопрос!» [Алексин, 1989, 1, 110] (ср. известную фразу Гамлета, принца Датского «Быть или не быть — вот в чем вопрос!», в разговорной речи часто трансформируемую применительно к ситуации путем замены глаголов). Кстати, в этом прозвище (или скорее в его сокращенном варианте *Принц*) тоже заключен смысловой подтекст: Андрей Круглов благороден в лучшем смысле этого слова.

Прозвище *Горнист* в повести «Сигнальщики и Горнисты», как уже упоминалось, носят два персонажа: герой и его покойный дядя по матери Андрей, причем получили они его от одного и того же человека — Екатерины Ильиничны, классной руководительницы Андрея. В обоих случаях прозвище имеет комический оттенок: ни у того, ни у другого нет музыкального слуха. Андрея Екатерина Ильинична прозвала *Горнистом* потому, что он всегда *горнил*, «если следовало предостеречь или объявить тревогу» [Там же, 2, 265]; видя черты Андрея в характере его племянника, она также назвала его *Горнистом*, а затем переименовала в *Сигнальщика*.

Отмечено также одно прозвище, употребленное в разных произведениях, причем с диаметрально противоположными значениями. Это прозвище *добрый гений*.

В повести «Сигнальщики и Горнисты» его носит мать героя: «“Нина Васильевна — наш добрый гений!” — восклицали соседи из разных квартир» [Там же, 2, 256]. Здесь выражение *добрый гений* употребляется в буквальном смысле: Нина Васильевна — детский врач, но взрослые люди всего дома обращаются к ней не только по медицинским вопросам. Не случайно ее квартира называется *бюро добрых услуг*, что объединяет мать и сына: она говорит ему: «...в бюро не может работать один человек. Должно быть минимум два. Ты понял?» [Там же, 2, 258]. Таким образом, прозвища матери и дяди героя подчеркивают как их духовное родство между собой, так и преемственность нравственных качеств в семье.

В повести же «Добрый гений» Анна Александровна дает мысленное прозвище своей невестке Лидусе, которая ведет за собой по жизни ее сына Валерия, помогает ему добиваться успеха; свекровь всячески поощряет это, говорит сыну: «Следуй за ней», заботясь отнюдь не о его самостоятельности, а лишь о том, чтобы ему было удобно. Однако эгоизм Лидуси и нежелание больной матери быть в тягость сыну приводят к гибели (или самоубийству?) Анны Александровны — и прозвище *добрый гений* в контексте всего произведения оказывается зловеще-ироническим.

Все изложенное позволяет констатировать, что прозвища в произведениях А. Г. Алексина имеют сложную, многослойную мотивацию. Они привлекают внимание читателя и заставляют вдумываться в их смысл, а значит, и в характеры персонажей.

Результаты исследования показывают сходство прозвищ в произведениях Алексина с прозвищами реальными и подтверждают, что методы изучения реальных прозвищ применимы в поэтической ономастике.

Алексин А. Г. Собр. соч. : в 3 т. М., 1980.

Алексин А. Г. Собр. соч. : в 2 т. М., 1989.

Ардеева Н. В. Принципы номинации в современных прозвищах лиц // Русская ономастика. Рязань, 1977.

Данилина Е. Ф. Прозвища в современном русском языке // Восточнославянская ономастика : материалы и исследования. М., 1979.

Никулина З. П. О социальной оценке прозвищ // Русская ономастика. Рязань, 1977.

Ушаков Н. Н. Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища) // Имя собственное и нарицательное. М., 1978.

Шулунова Л. В. Прозвища в антропонимии бурят. Улан-Удэ, 1985.

Юрасова В. В. Об ассоциативных именах в ономастике // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка : тезисы докл. и сообщ. Вологда, 1983.

Рукопись поступила в редакцию 10.04.2010 г.